

Помнил Север своих Колумбов

РАЗГОВОР С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

На Крайнем Севере постоянно встречаешься с именем Николая Николаевича Урванцева. На западе полуострова Таймыр — современный город Норильск. Жители его гордятся небольшим бревенчатым домом с мемориальной доской, на которой написано: «Первый дом Норильска, построенный геологоразведочной экспедицией Н. Н. Урванцева летом 1921 года. У этого дома зимовщики в 1922 году провели первую в Норильске первомайскую демонстрацию». На востоке Таймыра — гора Урванцева. К северу от Таймыра, выше мыса Челюскин, — архипелаг островов Северной Земли. В тридцатых годах Николай Николаевич был науч-

— С чего начинался Норильск?

— На место будущего города я приехал в 1920 году после окончания Томского технологического института. В 1918 году вышло постановление об освоении Северного морского пути; Для судов нужен был уголь. Большие запасы топлива нашли в долине реки Норилки. Обнаружили тут и заброшенную штолню. В ней когда-то добывали глинистые сланцы, содержащие медь.

Меня назначили начальником разведочной партии. В 1921 году заложили первую штолнию на уголь. Работали без выходных, по 12 часов в день. Наша штолния была одной из самых северных в мире, и возникало много вопросов: можно ли работать полярной ночью, каковы условия зимней разведки? На угольное месторождение, оказавшееся очень богатым, тратили все средства и все силы. Но и о руде думали постоянно. При геологической съемке на склоне горы выше старой штолни я нашел выход колчеданных руд. Химический анализ их показал высокое содержание никеля. Новые анализы обнаружили в руде, кроме меди и никеля, высокое содержание платины. ВСНХ предложил мне организовать разведочную экспедицию. На сей раз речь шла о руде. Через два года мы окончили работы...

Вот один из документов той поры. В отчете Урванцев пишет: «...Нельзя не указать на ту колossalную роль, кото-

рую сыграла разработка Норильского месторождения и проведенная к нему железная дорога в оживлении до сих пор мертвого района. Норильск послужит тогда тем кристаллизационным центром, около которого будут возникать новые предприятия...»

— Итак, «спошел» уголь, нашли руду...

— У государства не хватало средств, и считалось, что проект разработки рудного месторождения технически неосуществим, — продолжает Н. Н. Урванцев. — Совещание по Норильску в 1924 году решило работы прекратить. Я возражал и написал свое особое мнение, доказывал, что необходимо продолжать разведку. Восстал-то против убеленных сединами профессоров, а сам был мальчишкой. Месторождение перспективное, и его разработка могла уже через несколько лет оказаться государству по силам. Вопрос рассматривался в ВСНХ. Председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский поддержал мои предложения. Меня вызвали в Москву, и Дзержинский выслушал меня. Начальником новой большой партии был назначен секретарь Дзержинского — Павел Сергеевич Аллилуев...

Уже в первую норильскую зиму предпринял Урванцев свои «географические вылазки». Он ездил, исследовал Норильские озера, определял астрономические пункты, составил первую карту окрестностей Норильска. Зимой 1929 года Урванцев отправился в новые путешествия. На моторной лодке, лошадях и оле-

ним руководителем Североземельской экспедиции — одной из последних экспедиций романтической эпохи Нансена и Амундсена, когда, по словам самого Урванцева, «основным в работе была человеческая выносливость и упорство в достижении цели...». Результатом работы экспедиции явилась первая карта Северной Земли — карта Урванцева. Знаменитого полярника называют Колумбом Севера. Географическое общество СССР наградило его в 1958 году Большой золотой медалью...

Недавно мне посыпалось встретиться с Н. Н. Урванцевым, беседовать с ним. Первый вопрос — о Норильске.

— Он прошел огромный маршрут — через горы Бырранга к Карское морю. Как результат путешествий по таймырским рекам, самых детальных производственных работ: бурения, закладки штолен и т. д. — появилась первая геологическая карта всего Таймырского полуострова. «Геологическая» и «географическая» деятельность учёного сочеталась удивительно гармонично.

— Кто же вы, геолог или географ? — спросил я Н. Н. Урванцева.

— Наверное, геолог. Это моя профессия, — со смехом ответил Николай Николаевич.

— Географ он. Географ! — возразила Елизавета Ивановна, жена Урванцева. — Я вам прочту отзыв о его работе Юлия Михайловича Шокальского: «Ваш труды по географии превосходят великолепные успехи в геологии». И Большую золотую медаль получил он за географические открытия.

— Николай Николаевич, вы награждены двумя орденами Ленина. За что вам их вручили?

— Два года Ушаков, Журавлев, Ходов и я работали на Северной Земле. За успешные результаты Североземельской экспедиции я удостоен ордена Ленина. Второй мне вручили за текущую работу в связи с семидесятилетием.

— Почему эпиграфом к книге «Два года на Северной Земле» вы взяли слова: «Никто пути пройденного у нас не отберег»?

— Это слова из революцион-

ной песни того времени. А выбраны они вот почему. До нашей экспедиции многие государства поглядывали с интересом на острова, лежащие на пути будущих трансарктических морских и воздушных трасс, хотя и находятся эти острова в советском секторе Арктики. Мы первыми нанесли на карту неизвестные берега, то есть сделали то, что и подобало хозяевам Северной Земли. Подняли на островах советский флаг!

...И с другим арктическим архипелагом связано имя Урванцева — с островами «Комсомольской правды».

— Как вы попали на эти острова?

— Зимовье на островах — тогда они назывались острова Савиула — возникло в 1933 году, во время первого Ленского похода. Из Архангельска в бухту Тикси шли два судна. Вместе с ними двигался лесовоз «Правда», на борту которого находилась наша геологическая экспедиция.

Мы должны были разведывать бурением нефть в Хатангском заливе, у Нордвики. Однако наше судно в устье Хатанги село на мель. Снялись с труда. Выгружаться на таймырский берег было уже поздно — пришла осень, и мы присоединились к другим судам, вышедшим в обратный путь после разгрузки в Тикси. Чрез пролив Билькицкого пройти не удалось — не пропустили льды, и зазимовали у островов «Комсомольской правды». Только в августе следующего года ледорез «Литке» освободил нас...

— В чем заключалась ваша работа на островах «Комсомольской правды»?

— Для работ на Нордвике я попросил опытный завод НАТИ изготовить четыре грузовые машины. На заднюю ось монтировались гусеницы, на переднюю ставились либо лыжи, либо ко-

леса. В испытании этих первых машин для Арктики и состояла наша главная работа на островах.

Тогда мы предприняли первый в мире арктический автопробег: в конце марта на вездеходах отправились вокруг северной части Таймырского полуострова. Машины не подвели, прошли без единой поломки. Мы, правда, не переставая, заботились о них. Бензин, к примеру, заливали только через замшу. Водители были опытные механики НАТИ. И прекрасные люди. С Гришей Колобаевым мы стали большими друзьями. После возвращения из похода был предпринят еще один скоростной переход: острова «Комсомольской правды» — мыс Челюскин и обратно. Так что испытания были всесторонними и окончились полным успехом.

...Мы смотрим на карту северо-восточной части Таймыра. Нахожу реку Становую. В ее истоках — гора Урванцева.

— Право, не знаю, когда и кто дал ей мое имя. Наверное, геологи, — говорит Николай Николаевич.

Названия на карте — это история. История покорения неизвестных земель. Карта славит первопроходцев: мыс Челюскин, берег Марии Прончышевой, море Лаптевых, мыс Папанина... У последнего мыса — бухта Мод. Здесь в 1919 году зазимовало судно Амундсена. Одним из свидетелей трагедии экспедиции Амундсена стал Урванцев. Я прошу Николая Николаевича рассказать об этом.

— В 1920 году из бухты Мод вышли на Диксон норвежские моряки Тессем и Кнудсен с почтой Амундсена. Оба погибли, Тессем — в двух километрах от Диксона.

Поиски норвежцев организовало Советское правительство. Останки Кнудсена обнаружил Ни-

кифор Бегичев. Следов Тессема не было.

Я исследовал тогда судоходность реки Пясины. Пригласил с собой Бегичева. Промеряли глубины, составляли карту берега. Где видели обнажения пород, приставали. Однажды, смотрю, что-то блестит. Подъезжаем. Листы бумаги, надписи по-английски, письма в Норвегию и Америку... Это была почта Амундсена. Ради нее и шли Тессем и Кнудсен. Здесь же валялись куски прорезиненной ткани, примус, шлюпочный компас, две пары лыж. А к концу августа, когда мы добрались до Диксона, были найдены останки человека. Лежал он на склоне каменистого берега. В кармане фуфайки были часы с надписью: «Peter Tessem». Я думаю, что Тессем поскользнулся, упал, ударился головой о камни и потерял сознание...

Из Норвегии тогда прислали Николаю Николаевичу подарок — золотые часы с надписью: «Господину Урванцеву Н. Н. от правительства Королевства Норвегии».

Ныне история Тессема, который прошел полярной ночью 900 километров, стала легендой. Сам Амундсен придал большое значение миссии моряков. В своем дневнике он писал: «Я обратился... к Тессему, которого считал наибольше подходящим для этого путешествия. Услышав, что он может принести большую пользу, он тотчас согласился». Сила духа и чувство долга — это родит всех героев Арктики.

— Над чем вы работаете сейчас?

— Пишу статьи, готовлю сборник своих работ. Выступаю с докладами. Принимаю участие в геологических конференциях...

В январе будущего года Николаю Николаевичу исполнится 80 лет, а в ноябре нынешнего года Урванцевы празднуют золотую свадьбу.

Елизавета Ивановна неожиданно говорит:

— А вообще он — механик. Любимое его место — гараж.

— Как же случилось, что вы стали геологом?

— В Томском технологическом я учился на первом курсе механического факультета. Но потом под влиянием книг, лекций В. А. Обручева о своих путешествиях увлекся геологией.

Д. ШПАРО.